

· · · · · Ä

Александр БОБРОВ

ЗА УТРЕННЕЙ ТЕНЬЮ

Лирика, песни, пародии, эссе

**МГО Союза писателей России
Типография ООО «НексПринт»**

2011

· · · · · Ä

ББК 84 (2Рос=Рус)6
Б 76

Бобров А.А.

Б 76 За утренней тенью.

Лирика, песни, пародии, эссе

Москва: МГО Союза писателей России, 2011. – 324 с.

ISBN 978-5-904731-04-05

© А.А. Бобров, 2011

ЗА УТРЕННЕЙ ТЕНЬЮ

Я – мальчик,
внимающий пенью
Лягушек и птиц на пруду.
За длинной, за утренней тенью –
За собственной тенью иду.

Она достает до пригорка,
До скирд, улетающих в синь.
А в детстве – нисколько не горько
Росистая пахнет полынь.

Я – взрослый.
Не склонен к смятенью
И чуда в смущенье не жду,
Но снова за утренней тенью,
За собственной тенью иду.

Я – рослый, а тень – все короче
Скользит к перекрестью дорог.
Умею читать между строчек
И верю в извечный итог,
Как в то, что к истоку вернемся
В просторах родных все равно,
Где с тенью – своей же –
сольемся
В одно световое пятно.

Об авторе

В поэте Александре Боброве для меня привлекательна черта этой открытости, доверительности, нравственной честности и требовательности.

Отсюда его гражданственность, отсюда его ответственность перед временем:

*Послевоенным хлебом вскормлен,
Я постигаю в свой черед
Слова немеркнувшего корня:
Природа, Родина, Народ.*

Поэт наполнен жаждой открытий, он весь в работе, в поездках, в поисках. Его душа молода и озорна, он сам не из породы хныкающих, и потому так искренне звучат эти строки:

*Живу на износ, и душа не боится износа.
Теперь-то я знаю, что надолго хватит меня!*

Мы верим, что так и будет. Хочется пожелать молодому поэту большого пути в поэзии. Мы верим в него вместе с ним, когда он признается:

*И есть на свете утро и работа,
Которую ты должен завершить!*

Должен, Саша!

МЛАДШЕМУ СОБРАТУ

*Ты поёшь, а берёзы босые
По колено заходят в траву,
Потому что во мне – Россия,
Потому что я песней живу.*

*Саша! Брат, балагур, бродяга,
Конопель среднерусских полей!
Тихо льётся из горлышка влага,
Пьёшь, бродяга, и мне налей!*

*Выпьем, что ли, до самого донца!
Хлеб на блюде, как хлопец рябой,
Улыбается общее солнце
Над твоей и моей судьбой.*

*Вдохновенно струна запела,
Голос вылетел высоко.
С нами выпьет за общее дело
Новгородский гусяр Садко.*

*Свежевынутая коврига,
Как любимая, дышит в дому.
И поэзии Красная книга,
Как пожарище, вся в дыму...*

*Балалаечка застонала
И пошла москворецким мостом.*

*Не бездушна струна стальная,
Если тронута вещим перстом.*

*Выпьем, Саша, последнюю, третью,
В отпущение всех грехов.
Мы с тобой своему столетию
В небо вымечем скирды стихов!*

Виктор БОКОВ

ЗАГАДОЧНЫЙ ДАР

Из книги «ПОКОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕК»

Поэт и публицист Александр Бобров может повторить о себе слова Аполлона Григорьева: «Вскормило, взлелеяло меня Замоскворечье». Здесь прошло его детство и юность, здесь он учился в школе и техникуме, отсюда он ушел самым молодым студентом Литинститута в армию.

Песни Александра Боброва я воспринимаю давно как часть своей жизни. Кому-то нужен Окуджава, кому-то Галич, а я из всей славной плеяды истинных творцов песенной поэзии выделил Александра Боброва. Может быть, сказалось сходство судьбы, сходство душ. То, о чем пел Александр Бобров под свою негромкую и неназойливую гитару, было близко и мне.

*Это какой-то загадочный, русский наш дар —
Петь, если даже судьба нам наносит удары.
Всех, кто не сдался и сердцем не сделался стар,
Время добьет, но по-свойски зачислит в гусары.*

Вот этот его природный песенный оптимизм при достаточно нелегкой судьбе сдружил нас еще в семидесятые годы, когда мы вместе работали в «Литературной России». Мы еще общались в разных компаниях, еще не знали как следует друг друга, но была заложена в нас сигнальная система «свой» — «свой». Достаточно было услышать друг друга, ввязаться в спор на недельной итоговой планёрке, чтобы понять — на него можно положиться. И в этом знаковом, объединяющем нас с Сашей сигнале не было, как мгновенно подумали иные, ни обозначения нашей национальной принадлежности (слава Богу, русских литераторов и в «Литературной России», и в московских литературных кругах вполне хватало, куда более решительно настроенных, чем мы с Александром), ни знакомого по армии обозначения единого землячества (землячество сблизило нас с Валентином Устиновым, Бобров же — певец Замоскворечья от нашего русского Севера был достаточно далёк), ни общих литературных кумиров (скорее иные из моих литературных кумиров того времени были далеки и даже чужды Боброву). Вернее, в нашей взаимной приязни было и первое, и второе, и третье. И общие литературные любимцы нашлись (тот же Аполлон Григорьев, к примеру), и русскую старину московскую ли, северную ли мы одинаково любили, и от русскости своей не отказывались, хотя и не кичились ею.

Может быть, одинаковая любовь и преданность литературе? Не чиновный и не журналистский подход к простым смертным? Я давно заметил, среди моих и театральных, и литературных друзей, как правило, люди, лишённые избраннычества, использующие свой творческий дар, каковой у них имеется, легко и непринужденно, в простом сотовариществе с другими.

Как сказал еще одному моему другу Николаю Пенькову соратник на баррикаде в октябре 1993 года: «надо же, где приходится с народными артистами знакомиться». А ведь и на баррикадах, и под огнем — были такие, кто всегда под охраной, в почтенном отдалении от простонародья.

Мы с Бобровым всегда, на всех своих постах и при всех регалиях — были простыми баррикадниками, простыми окопниками, простыми солдатами русской словесности.

*Значит, мы выпьем за то, чтоб на нашем веку
Не поддаваться указу и женскому глазу.
Мы — у Дениса Давыдова в сводном полку.
Нам отступить — вестовой не доставил приказа!*

Так и песни его — несомненно, авторские, но схожи и мелодикой, и песенным ладом с народными песнями, со старорусскими балладами, с походными маршами. Не случайно в армии Александр Бобров был ротным запевалой, кстати, также как и его старший друг и учитель Николай Старшинов. Может быть, пройдет время, и в частях будут на марше шагать под песни Александра Боброва, даже не подозревая, кто же их автор. Да и мы сами, давно уже, когда добирались до легендарного Поля Куликова на славный юбилей русской победы, снимали с себя усталость с помощью «Ратной песни» нашего друга.

*Я стреноженных вижу коней.
Всё покоем и вольностью дышит.
Сколько сложено песен о ней.*

*А Непрядва течет и не слышит.
Пал туман, как пожарища дым.
Кони русские ржут за Сулою.
И походным кострам боевым
Всё никак не покрыться золою.*

Когда он пел эту песню под гитару, становился одновременно и артистичен, в какой бы походной обстановке не исполнялась песня, и по-строевому подтянут.

А потом мы уже все хором подтягивали, и были настроены на тот же ратный лад, на какой настраивались русские воины со времен Поля Куликова до ратников сегодняшних чеченских батальей.

*Ни чудищу, ни идолу.
Ни коршуну, ни ворону
Не отдадим в обиду мы
Свою родную сторону.
Не отдадим высокую,
Пресветлую и ясную –
Ни ворону, ни соколу,
Ни кречету, ни ястребу.*

Поразительно, как легко в наших писательских былых поездках в Бобровские песни втягивались боевые офицеры, усталые походники, и как настороженно к его ратным песням относились генеральские чинуши, что в советское, что в антисоветское время. Что их отпугивало в светлой боевой напевности Боброва? Да то же, что отпугивало чиновное и штабное гене-

ральство от боевых и походных романов «соловья генштаба» Александра Проханова. Не случайно же их всегда тянуло друг к другу — двух Александров, и как красиво выводили вместе они ротные песни на наших товарищеских посиделках. Они и бражничали весело и задорно, как любимые ими гусары. Они и в жизни никогда не проходили мимо опасностей. А где опасности, там и дружба, настоящая мужская дружба.

*И старый друг без лишних слов подсел
И мне подпел. Но это слишком мало.
Куда поедешь и куда пойдешь? —
Мы лучшей доли сами не просили.
И вот опять по всей России дождь.
Раз над тобой. То да — по всей России.*

Эти уходящие мотивы верного романтического товарищества, надежности, окопного мужества, уходили, что в военной прозе Проханова, что в ратных песнях Боброва в историю родной страны, в историю их славных родов, отдавших немало воинов земле русской. Впрочем, это и меня сближало в пору нашей молодости с моими друзьями. И вспоминалось: «Тому роду не быть переводу, где брат за брата идут в огонь и воду». Погиб отец у Проханова, погиб старший брат у Боброва, и сколько их было — погибших за Россию? Помню, еще в советское время с гусарским вызовом звучало на концертах Александра Боброва:

*Мой Петербург, мой Петроград, мой Ленинград,
Я так ценю твои державные объятия!*

*За этот город пал мой старший брат.
И потому мне ленинградцы — братья.
Мой Ленинград, мой Петроград, мой Петербург,
Ты красотою все контрасты пересилил.
В тебе царят шедевры Росси, а вокруг
Царят снега просёлочной России.*

Вот это тоже объединяло нас с Бобровым: восторг перед красотой и державностью шедевров Росси и Фиорованти, тяга к познанию всего мира, и слияние с древней проселочной Россией. Может быть, эта соединимость несоединимого, это слияние тоски по мировой культуре, восторгов перед Данте и Боттичелли с неизъяснимой душой простого русского народа, с пониманием лада деревенской избы создает столь объемную и столь всечеловеческую русскую национальную культуру?

А тем временем Саша Бобров всё поет свои простые и незатейливые, лирические народные песни. Даже строгий и суровый ценитель слова и стиха Юрий Кузнецов, нередко упрекая Боброва в тех или иных поэтических промахах, ценил, прежде всего, его простой и энергичный песенный лад.

*Не шайка богохульников.
Не община святых —
Мы вышли из ушкуйников
По гребням волн крутых.
По Каме ли, по Волге ли
Плывут из года в год
Ушкуйники-повольники,
Отчаянный народ.*

В общей полемике, которая сегодня идет вокруг песенного XX века и московской авторской песни, куда подбрасывают свои полемические поленья и Лев Аннинский, и Олег Митяев, и Новелла Матвеева, и тот же Александр Бобров, я принимать участия не хочу. Конечно же, песенная поэзия существует, но в лучших своих проявлениях она и становится просто поэзией, несмотря на все характерные признаки песенности. Но при желании можно переложить на песенный лад самую сложную поэзию Иосифа ли Бродского, или же Юрия Кузнецова, станут ли они от этого песенниками? Поет Татьяна Петрова песню на стихи Юрия Кузнецова, вошли в «Антологию бардовской песни» «Пилигримы» Иосифа Бродского. О чём спорим? И распевал все свои стихи поневоле, из-за своего заикания Николай Тряпкин. Не называем же мы его бардом. Само собой отсеивается вся бардовская самодеятельность, и на разных поэтических и политических флангах звучит именно в высоком поэтическом ладу песня Новеллы Матвеевой и Виктора Верстакова, Юлия Кима и Александра Боброва.

Пусть бардовские теоретики разбирают их по полочкам, я пробую их слово на свой критический зубок, и смиренно принимаю звучащее слово в свой поэтический мир. Уверен, песни Боброва еще долго будут звучать в авторском ли, или ещё каком исполнении. Так, думаю, звучали на товарищеских пирушках и стихи-песни Аполлона Григорьева, не последнего поэта и критика России. Нашего общего с Бобровым любимца в обширном классическом ряду. И потому я люблю слушать, как Александр Бобров поет одну из своих лучших песен «Аполлон Григорьев». Горжусь тем, что мой друг посвятил эту песню мне.

*Литератор, не знающий страха
 Ни в трактирах, ни даже в стихах,
 Вы сидите в красивой рубаше,
 С неизменной гитарой в руках.
 Аполлон Алексаныч Григорьев,
 Перестаньте, пожалуйста, пить!
 Неужели в России так горько
 И писать, и Россию любить?
 Мещанин, коренной москвитянин,
 Породнившийся с целой страной,
 Мы по следу по вашему тянем
 Ту же лямку упряжки двойной...*

Разве не хочется быть таким же, как Григорьев, породниться в слове своем с ним, продолжить его поэзию и его критическую концепцию? Кто у нас сегодня такой же, как Аполлон Григорьев поэт и лирик, бражник и лихой рубака, отчаянный почвенник и блестящий литературный критик?

Сравнивать никого не будем, но Бобров по-гусарски преклоняет колено перед ним, и это по-настоящему красиво. Ему присущ природный артистизм, помню, как одно время они концертировали вместе — Александр Бобров и Александр Михайлов, оба статные, мужественные, рослые, удивительно похожие друг на друга, как братья-близнецы, оба — истинные ценители русской народной культуры. Но, когда каждый брал в руки гитару, всё-таки, чувствовалась разница. Актерское исполнение совсем иное, чем авторское исполнение. Предпочитаю поэтов слушать живьем или в записи, но никак не в актерском исполнении. Может быть, поэтому со временем два

Александра и разошлись, одному ближе концертное исполнение, другому важнее донести смысл им написанного.

В его несомненном артистизме всегда прячется своя авторская интонация. Каждый звук его гитары сопряжен с текстом, подстраивается под текст.

*Не лириком хочу быть — просто лирником.
Дорогой утолять свою печаль
И душу изливать цветными ливнями,
И струнами негромкими бречать.*

Мне обидно, что песни Александра Боброва так и не вышли на всероссийский простор, в ряд диссидентствующих бардов он никак не помещался при всей явной независимости его песен, армейские верхи отказали ему и его песням, традиции Дениса Давыдова для ведомства тупых политработников были явно чужды, да и государство явно не стремилось использовать Бобровские державные интонации. Но в нашем литературном кругу он, несомненно, был первым, потом уже появились афганские песни Верстакова и Кирсанова, Михайлова и Морозова. Бобров свой путь лирника проходил в одиночку. Общаясь с близкими ему по духу поэтами и прозаиками, но никак не с поэтическим бардовским сообществом. Он и себя считал тем самым славянским лирником, исполнителем народных дум и сказаний, только переложенных на Бобровский поэтический лад.

*Ну, сколько можно? — все вокруг да около,
Уйти бы вглубь, допеть бы чуть дыша.*

*А после пусть плывет по небу облако —
До капельки излитая душа.*

Его песни похожи на баллады, он всегда дает зримый и очерченный образ своего героя, будь то Аполлон Григорьев или лихой казак, возвращающийся с похода, новгородский ушкуйник из далеких времен новгородской вольницы или последний еврей, покидающий Россию. Александр Бобров по-русски приемлет всех и жалеет всех.

*А Россию покинул последний еврей.
Над собором кричит ошалелая галка.
Я, конечно, иных — среднерусских кровей,
Но уехал еврей. Мне действительно — жалко...*

*На рассвете уехал последний еврей.
Я желаю ему пониманья и счастья.
Но сегодня стою у закрытых дверей:
Вот уехал еврей... И к кому постучаться?*

И ведь верно же. Просто и верно выразил суть проблемы. И спорить будем, и решать вековые вопросы, но разъехались, и «к кому постучаться?» Кстати, на ту же тему писал и Станислав Куняев: «И нас без вас, и вас без нас убудет...» Так же, как убудет и без украинских, берущих за душу песен, и без восточного яркого цветения грузинских или армянских лириков. Не желает душа лирника Александра Боброва расставаться с близкими ему напевами соседних народов. Эта культурная, словесная имперскость, уверен,

ещё столетиями будет жить в нашей культуре, отнюдь не задевая и не ущемляя ничьи национальные чувства.

*Пламя предков горит поныне.
Наша память остра
От Подола и до Волыни,
От Днестра до Днестра.
Дети вольной славянской крови
Мы прошли сквозь века.
По тій мові та будьмо здорові!
Будем напевняка!*

Но, конечно же, для многих Александр Бобров, прежде всего певец старой Москвы, его затаенных скрытых чудом сохранившихся уголков. У него даже голос меняется, когда он говорит и поет о своем Замоскворечье. Он с ужасом видит, как на глазах исчезает его Москва, как она становится чужим, враждебным ему городом интернациональных безвкусных застроек. Его артистизм и чувство прирожденной красоты не могут смириться с уничтожением, и уже неизбежным стиранием с лица земли одного из чудеснейших городов мира. И он искренне завидует и Петербургу, и Риму, которые остались в своей вековой красоте удивлять всех своим ликом. А наш лирик лишь может вывести нас на потаенную экскурсию по уцелевшим островкам старой Москвы.

*В старой Москве, по соседству с Ордынкой,
В дымке тоски, на родных Кадашах
С каждой небрежно мелькнувшей косынкой,*

*С каждой неспешно летящей снежинкой
Я замедляю задумчивый шаг.*

Но он уже и сам давно стал частью московского пейзажа, частью старой московской культуры, певцом Замоскворечья. Краеведы со временем, несомненно, будут собирать его московские песни, сохранившие еще вековую московскую ауру.

Только такой, как Александр Бобров был способен собрать воедино и издать все свидетельства о старой Москве, огромную томину воспоминаний и документов под простым заголовком «Московия». Так же когда-то собирал свой четырехтомник «Сорок сороков» еще один мой уже ушедший друг, еще один певец Москвы прозаик Петр Паламарчук. Это уже их следы на карте Москвы.

*И нельзя себе представить,
Как в Москве свой след оставить:
На земле асфальта — семь слоев,
Но быть может, чья-то память
Вдруг спохватится: ну да ведь,
Здесь когда-то жил А.А.Бобров!
Москву называли третьим Римом —
Какие лестные слова!
Но ты вовек неповторима,
Первопрестольная Москва.*

Его песни всегда готовы к борьбе до конца, к последней непримиримости. Но даже в безнадежности он всегда ищет свой выход. Может, этой своей безнадежной и бездоказательной

верой в свой народ, в своих друзей, в свою любовь он и отличается от заплонившей все экраны попсы. Его пусть и безнадёжные бредни - прямо по Сирано де Бержераку - ему во сто крат милее сытого довольства новых русских и их поэтических подголосков, перечеркивающих роль поэзии в самом обществе. Он не только в песнях, но и в жизни всегда идет напролом, выбирая привычный тяжелый русский путь.

*Если направо —
 Деньги и слава.
 Если налево —
 Конь пропадет.
 Если упрямо
 Двинешься прямо —
 Сам ты погибнешь. Значит, вперёд!
 Вспомним да грянем.
 Петь не устанем
 Тех, кто не сдался.
 Тех, кто не сник!
 Выпьем да грянем.
 Песней прославим
 Тех, кто упрямо шел напрямик!*

Вот и я стараюсь прославить критическим словом своим неутомимого лирика, ратника словесных поединков, путешественника и летописца Александра Боброва. Как и все русские таланты, он в своей деятельности многолик: и журналист, и телеведущий, и краевед, и умелый организатор, издатель. Но — всё побоку. У каждого человека всегда есть главное, со-

кровенное. У Александра Боброва — это его ратная и боевая песня. Пусть и не ко времени, иным покажется, и рать уже притомилась, а то и полегла. Но пока есть хоть один в поле воин, для него будет призывно звучать Бобровская песня. Он идет своей дорогой лирника до самого конца.

*А всё же мы верим,
А, значит, живем.
И плакать умеем,
И песни поём.
Пусть сорвана глотка,
Хрипим — ерунда!
Когда остановка?
Когда? — Никогда!*

Владимир БОНДАРЕНКО

* * *

*Товарищ мой, красивый да высокий,
А я — ну, чуть не со звездой во лбу...
И, словно птица Финист-Ясный Сокол,
Россия билась в нашу с ним судьбу.*

*И спутан чуб, и кудри — не расчешешь,
Но песня, что заштопана, как шаль,
Словами дедов,
Ты-то ведь утетишь,
Когда нас никому не будет жаль!..*

Татьяна РЕБРОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	7
С памятью о брате.....	23
Песни лирника	75
Родные люди	115
Лирические признания	151
Пародии и шутки	171
Золотые точки	197
Болевые точки	271

Бобров А.А.

За утренней тенью.

Лирика, песни, пародии, эссе

Редактор – Шадрина И.С.

Фото – М. и Д. Бобровых

Верстка - Марков М.

Подписано в печать – 21.01.2011 г.

Печ. листов - 324; Печать офсетная. Бумага офсетная

Заказ № 2476; Тираж – 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО Некспринт, Лужнецкая

наб. д. 2/4 стр. 22 Тел.: 8 495 634 44 00